

ТИХИЕ
ШАГИ

КСЕНИЯ
ПЛАТОНОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Триумф

Ксения Платонова

Тихие шаги

«Автор»

2026

Платонова К.

Тихие шаги / К. Платонова — «Автор», 2026 — (Триумф)

Трёхлетняя война осталась в прошлом — Святая Империя врачует раны, и простые люди впервые за долгое время позволяют себе надеяться на мир. Но только не те, кто служит короне. Камер-фрейлина Императрицы давно привыкла к приказам, за которыми не стоит цена — одно лишь беспрекословное исполнение. Её негласный союзник, адъютант Её Величества, несёт в душе бремя грехов — и свершённых, и тех, что в скором падут на его плечи. Пока они, укрытые тенью, охраняют спокойный сон ветреных графов и усталых крестьян, по имперским землям расплзается нечто куда опаснее отгремевших пушек. Новая угроза не разбирает ни сословий, ни границ. Она уже коснулась молодого чиновника Дикастерии Посольских Дел, настигла хмурого набожного моряка и дотянулась до добродушной дочери обедневшего барона. Она пустила корни в самом сердце Империи — и первые плоды вот-вот созреют.

© Платонова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клариче Фиоре	11
Глава 2. Жан де Риш	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ксения Платонова

Тихие шаги

Пролог

*Я телом в прахе истлеваю, Умом
громам повелеваю; Я царь, — я раб,
— я червь, — я бог!*

Гавриил Державин, "Бог" (1784 г)

Густые сосновые леса Валамирешти отпугивали людей. Про них ходили легенды, и отнюдь не хорошие. Сосны росли неестественно близко друг к другу — ствол к стволу, и рассмотреть что-то далее пятнадцати шагов было практически невозможно. Кроны полностью перекрывали небо, и даже в полдень у земли было темно, как ночью. Офицеры, служившие здесь, любили повторять солдатам, что только дурак уйдёт в самоволку в эти проклятые чащобы.

Маркиза Домника Драгулеску была умной женщиной. И, как и любая умная женщина, всегда прислушивалась к своей интуиции, а она была полностью согласна с офицерами. Но выбора не было.

Белокурую миловидную девушку рано выдали замуж, да не за кого-нибудь, а за сюзерена её отца — сурового и молчаливого маркиза. Для неё свадьба стала самым счастливым днём всей жизни, ещё бы — ей столько радости сулили гувернантки и нянечки, но счастье испарилось так же быстро, как и пришло. Муж не любил ни её, ни свои земли: новоприобретенную супругу считал глупой, а мрачные сосновые леса, болота да горы западной марки — скучными и безынтересными. Проводил всё свободное время в охотничьих домиках, а возвращался только на праздники и ежесезонный смотр войск, обязательный в этих местах. Домника была представлена самой себе. Сначала это удручало её — не о такой судьбе она мечтала, — но потом начала получать удовольствие. Наслушавшись рассказов графинь о собственных замужествах на одном из Маскарадов, она вдруг осознала, что вполне удовлетворена и даже, страшно сказать, всё-таки счастлива.

Именно тогда, спустя год и два месяца после злополучной свадьбы, маркиза Домника увлеклась деревенской магией. Леса Валамирешти были тёмным местом не только на вид, но и по сути: в глухих деревнях, скрытых непроходимыми мрачными чащами, таились всевозможные культы и кованы. Деревенские знахарки на поверку оказывались ведьмами, а старосты — колдунами. Церковь не раз и не два пыталась вытравить еретические учения из этого гиблого места, но все тщетно — магия возвращалась, как её не уничтожай.

Домника быстро шла по ровному ковру сосновых иголок. За ней едва поспевала Анна — камеристка и верная спутница своей госпожи. Они направлялись в самое сердце леса. Сюда не заходили деревенские, даже колдуны держались подальше, как любой хилый волк не заходит на территорию сильного. Маркиза собиралась увидеть леди Мадалину. Эта женщина, единственная из всех валамирештских колдуний, славила по всей Империи. Среди мужчин — злодейкой, у женщин — в качестве спасительницы и благодетельницы. Знахарки же боялись и презирали её, говорили, что у “этого животного нет сердца и нет души”. Она откликалась на любую просьбу, сколь омерзительной та не была, но и плату брала немалую.

Просьба Домники не была омерзительной. Напротив, маркиза спешила на встречу с ведьмой по благородному делу и по наказу своей близкой подруги — Императрицы Тельмы Хион. Оттого невольно она периодически сбивалась на бег, а Аннека, силясь не отстать, падала.

Они шли уже два часа, а ведьминской хижины всё не было видно, и Домника начинала не на шутку переживать. По заверениям одного стоворчивого старосты, они должны были быть уже на месте.

— Госпожа! — раздался испуганный голос Аннеки, а затем глухой звук удара.

Домника рассерженно обернулась. Девчушка в который раз за ночь упала, и теперь неуклюже поднималась с земли, стараясь не опираться на руки. Запал маркизы тут же остыл, она подошла к камеристке.

— Поранилась?

— Нет, госпожа, мы можем идти, — замотала головой Аннека, пряча руки за спину.

— Дай посмотреть.

Девушка покорно вытянула ладони вперёд, сейчас больше похожие на двух ёжиков. На каждой из них она собрала по несколько сухих иголок, а из левой к тому же сочилась кровь.

Маркиза вздохнула.

— А ведь я тебе зимой подарила красивые перчатки. Надела бы — не поранилась. Ну ничего. Вынь иголки. Вернёмся в замок — сразу иди к медикусу.

Аннека закивала, принимаясь за дело, а Домника продолжила путь, на этот раз идя чуть потише.

Хижина показалась через четверть часа. Косая, поросшая мхом, ушедшая левой стороной под землю, она стояла на небольшой полянке и выглядела давно заброшенной. Даже свет в окне не горел. Если бы здесь каким-то чудом оказался случайный путник, он бы побрезговал войти, будь он хоть герцог, хоть нищий.

Домника глубоко вдохнула и выдохнула, собираясь с силами. Ей очень не хотелось идти в эту проклятую Творцом и Его Теургитами избушку, но долг звал.

Подойдя к покосившейся двери, она занесла руку, чтобы постучать, но её прервал резкий старческий голос:

— Кто припёрся среди ночи?

Маркиза услышала, как Аннека, стоявшая чуть позади, сначала зло засопела, а потом выкрикнула:

— Твоя хозяйка, старуха!

Домника обернулась, чтобы шикнуть на камеристку, но дверь распахнулась.

Леди Мадалина не выглядела ни как леди, ни как Мадалина. Ей было за шестьдесят, она носила старое много раз перешитое платье, а прическа, в которую были убраны её волосы, в лучшем случае можно было назвать гнездом. К тому же у неё не было одного переднего зуба, хотя говорила она совсем без свиста или шипения.

Домника почувствовала себя неловко. Она-то нарядилась в своё лучшее платье, планируя произвести впечатление на могущественную ведьму. А этой даме, судя по всему, плевать на внешность и регалии, иначе, помогая графиням и баронессам, она бы уже давно позволила себе наряд получше. Да и жильё побогаче.

— Хозяйка моя, говорите? — переспросила старуха, вперившись покрасневшими глазами в лицо Домники. — Маркиза, чтоль? Слыхала. И что ты тут забыла, маркиза?

— Госпожа Мадалина, я пришла к вам с вопросом и с просьбой, — осторожно проговорила Домника.

— Хех, — хмыкнула старуха и отошла вглубь избы. — Ну проходи.

Внутри всё-таки горел свет. Просто окна покрылись таким толстым слоем копоти, что не пропускали его. Хижина состояла всего из одной комнатки. И тут, вопреки впечатлению от внешнего вида, было обжито. По краям стояли тахты и табуретки, на большинстве лежало

по шкуре, волчьей или лисьей. Под на удивление высоким потолком висели связки трав и соцветий, засушенные, но каким-то магическим способом всё ещё спело пахнущие. Кровати не было, или, по крайней мере, её не было видно, а в центре комнаты стоял большой дубовый стол, достойный императорского кабинета.

Домника остановилась взглядом на нём и медленно потянулась к корсажу за платком. Ей стало дурно.

На столе в горе собственных перьев лежал неопратно освежеванный филин. Его кровь залила всю поверхность и стекала на пол, образовав уже небольшую лужицу. Что удивительно, кровью совсем не пахло.

— Какие мы нежные, — протянула старуха, с мерзкой ухмылкой наблюдая за Домникой. — Только не выкинь мне сюда свой ужин. Сейчас уберу.

И она засуетилась. Домника подняла голову, заставляя себя считать пучки трав под потолком. Аннека вновь зло засопела, но на этот раз ничего не сказала.

Через пару мучительно долгих минут старуха каркнула:

— Всё. Чисто.

Домника опустила голову, кивнув:

— Благодарю.

Ведьма уселась на скрипучий табурет по другую сторону стола и сложила руки на груди.

— Ну. Говори, что хотела, маркиза.

— Вы.. знаете что недавно закончилась война? — зашла издалека Домника. Ей не предложили сесть, так что она стояла.

— Да кто об этом не знает! Вы хоть и дрались с этими попугаями в другом конце мира, но грохот пушек аж до нас долетал! Когда вы уgomонились, это все поняли. Тихо стало.

— Кхм.. Так вот. Я волнуюсь и хочу знать, будет ли ещё война вскоре.

Старуха кивнула.

— А кто ж не хочет. Понятное желание. А ко мне-то зачем пришла?

— Говорили, вы можете выяснить такое наверняка.

Ведьма замерла на пару мгновений, а потом заржала, как конь в расцвете сил. В окошке зазвенело стекло. Аннека отпрянула. Домнике удалось сохранить лицо.

— Как, интересно? В башку вашему императору залезу?

— Леди Мадалина! — шикнула Домника. — Я попрошу вас не использовать таких выражений в моём присутствии! За закрытыми дверями — сколько угодно! Но я — подданная!..

— Тише, тише. Успокойся, маркиза, — примирительно подняла руки старуха. Затем замолчала, пожевала нижнюю губу, задумчиво глядя на гладкую поверхность стола. — Ну, допустим, я владею нужными умениями, чтоб ответить на твой вопрос. Что ты можешь предложить взамен?

Домника была готова. Она потянулась к шее и, повозившись с застёжкой, сняла своё ожерелье — баснословно дорогое украшение, созданное из двенадцати огромных рубинов, тринадцати черных опалов и россыпи жемчуга.

— Оно стоит по меньшей мере десять тысяч виroleй.

Ведьма насмешливо спросила:

— И на кой оно мне? А, маркиза? Куда мне его выгуливать?

— Вы можете продать...

— ... Чтобы твои люди сразу же нашли меня, и в темницу бросили как воровку? Кто ж поверит, что оно моё? Нет, это не интересно.

— Я могу предложить деньги, но со мной не так много, — Домника похлопала по бархатному кошельку, пришитому к поясу. Камеристка же осторожно приняла из рук маркизы ожерелье и принялась застёгивать на её шее.

— Я повторяю свой вопрос: на кой всё это мне? Тебе что, дворцовыми люстрами глаза выжгло? Не видишь, как я живу? Зачем мне твои деньги?

— В таком случае, как я могу расплатиться за ваши услуги?

Старуха ослабилась, растягивая рот до ушей. Теперь было видно, что у неё нет не одного, а трёх зубов.

— Девчонку отдай.

Анна вздрогнула. Домника вопросительно подняла бровь.

— Вам нужна помощница? У меня много расторопных служанок, я могу прислать любую.

— Мне не нужна любая, мне нужна эта, — ведьма тыкнула мозолистым пальцем в девушку. Анна сжалась и чуть сдвинулась, прячась за спину маркизы.

— Леди Мадалина, это моя личная...

— Эта. Иначе проваливай отсюда.

Домника хотела что-то сказать, но промолчала. Императрица приказала любым способом узнать у известной на всю драную Империю колдуньи, будет ли в скором времени новая война, а если будет, то с кем. Любым — значит любым.

— Я останусь с вами, — дрожащим голосом проблеяла Анна.

Домника с жалостью посмотрела на верную камеристку. Она попала к ней в услужение совсем девчушкой, когда Домника была ещё дочерью бедного барона. Тоненькой бледненькой Аннеке тогда было лет тринадцать, если не меньше. Сейчас ей было семнадцать, и маркиза Драгулеску успела привыкнуть к назойливому тонкому бляению своей камеристки, к её очаровательным детским порывам. Она даже себя как-то поймала на мысли, что у неё не два ребёнка, как все считают, а три.

И сейчас Домника особенно остро чувствовала привязанность к девушке, отчасти потому что теперь испытывала ещё и слабохарактерную благодарность. Ведь не нужно было приказывать ей остаться — Аннаке вызвалась сама.

— Отдаёшь, маркиза?

Домника молча кивнула.

Ведьма радостно хлопнула в ладоши, а затем сорвалась с места. Она резво перепрыгнула через стол, схватила Аннеку за волосы и со всей силы приложила виском о край столешницы. Брызнула кровь. Девушка истошно завопила. Старуха чертыхнулась и ещё раз ударила её головой о то же место. Послышался влажный хруст. Крик остановился.

Домника оцепенела, в ужасе смотря на то, как ведьма яростно молотила головой Аннеки о стол. Вопль давно стих, но маркиза всё равно слышала его.

Тело Аннеки обмякло, повалившись на пол. Кусок черепа с хлюпающим звуком откололся и просел, из-за чего видимая часть головы теперь была впалой. Запаха крови не было.

— Драть её баннным веником! — выругалась старуха. — Ты посмотри на эту козу, маркиза! Упала, скотина, а ведь могла бы не падать! Мне ж её тащить на стол!

Домника почувствовала, как темнеет в глазах.

— Эй! Не откинься мне тут! Тебе ещё предсказание слушать!

— Д-да... — проблеяла в ответ маркиза, безотчетно вторя привычным интонациям Аннеки, и тяжело опустилась на покрытую шкурой волка деревянную тахту.

Ведьма деловито подхватила тело на руки и бросила на стол. Ногой прижала влажную тряпку к полу и ею согнала лужу к выходу из избушки. Затем вернулась, тяжело вздохнула, размяла спину и достала нож откуда-то из крепления под потолком. Потом посмотрела на Домнику.

— Знаешь, что? Иди-ка ты наружу.

Маркиза заторможенно кивнула и медленно поднявшись, пошла к выходу. Уже на пороге её окликнули.

— Эй! Ты что хотела-то? Когда война, да?

— Да, — не своим голосом отозвалась Домника. — И если скоро, то с кем.
— Поняла. Ну, иди-иди.

*

Домника пришла в себя не сразу. Сознание было тяжёлым, а мысли вязкими. Она огляделась и поняла, что стоит в добрых тридцати шагах от хижины. В нос ударил неприятный запах. Она ещё раз оглядела окрестности, затем осмотрела уже себя и, увидев подол платья, поняла, что её, маркизу Драгулеску, одну из самых утонченных дам Святой Империи, попросту вырвало. Ей захотелось немедленно убрать эту гадость со своей красивой бархатной юбки, и она принялась руками яростно счищать рвоту с подола. Это не помогало, и Домника вопреки воззрилась на свои же руки, которые до этого всю жизнь ей служили верой и правдой.

И тут она заметила странность: на ней были чёрные перчатки по локоть. Почему она была в перчатках?

Домника резко села на колени прямо на ковёр сосновых иголок. Она смотрела на свои ладони, запястья и не могла понять, откуда у неё появились перчатки. Она их не носит. Никогда не носит. Она их не любит. Неудобные же. Под ними кожа постоянно чешется.

Она зубами схватила за указательный палец правой руки, сильно прикусывая ткань до плоти, и рванула голову вверх. Перчатка упала на землю, а Домника, глядя на ладонь, тихо завывала.

Кожа была сморщенной и изрубцованной, будто кто-то немилосердный держал её в огне долгое время. На всей руке по локоть не было живого места. Слёзы полились из глаз.

Она сорвала вторую перчатку, и левая рука оказалась точно такой же: обожженной.

Домника согнулась и завалилась на бок, свернувшись калачиком на сырой земле. Она рыдала, уткнувшись в свои уродливые ладони, и судорожно повторяла:

— Что случилось... Кто это сделал... Руки мои... Такие красивые руки... Зачем... Зачем...

— С лисицами воевать будете, — сухо ответили откуда-то сзади.

Домника вскочила на ноги, путаясь в грязных юбках. Ведьма, по грудь испачканная свежей кровью, ровно смотрела на маркизу.

— Лисицы нападут. Притом скоро. Я б даже сказала, в этом году, — неприятно причмокнула губами старуха, затем с осуждением оглядела внешний вид своей гостьи и уточнила: — Это всё?

— В-Всё, — ответила Домника.

— Хорошо. Ну и проваливай.

Ведьма развернулась и зашагала к хижине. Дверь звонко хлопнула, и Домника как будто очнулась ото сна. Тяжесть покинула её сознание, оставив после себя звенящую пустоту, быстро заполняющуюся мыслями.

Она вновь посмотрела на руки, теперь уже удивляясь не ожогам, а своей памяти. Как она могла забыть? Уже два года её руки обожжены, два года постоянно болят и чешутся, и ей приходится носить перчатки. Она и дарит их всем постоянно, как бы подчеркивая, что ей очень нравится этот предмет гардероба, чтобы никто ни в коем случае не подумал, что они — вынужденная мера. Как она могла это забыть?

Маркиза постояла некоторое время на одном месте, успокаиваясь. Прийти в себя не получилось: её всё ещё трясло, а перед глазами вспыхивал и гас вид пробитой головы верной камеристки. Однако оставаться ещё дольше в лесу было нельзя. Скоро начнёт светать, и её точно хватятся в деревне, где она остановилась проездом. Домника глубоко вдохнула приятный сосновый воздух, силясь представить себе запах свежей крови, и решила, что размеренный шаг сам по себе — очень расслабляющее действие, которое сможет хоть немного привести её в поря-

док. И то, как должно было пахнуть от трупа Аннеки, не надо пытаться вообразить. Отсутствие запаха — милосердие ведьмы, хоть какое-то; и его нужно принимать с благодарностью.

Она шмыгнула носом, утёрла слёзы и сняла через голову верхнюю испачканную юбку.

Несколько мгновений маркиза Домника Драгулеску рассматривала свои перчатки и подол, сиротливо лежащие у ствола сосны, потом кивнула чему-то и зашагала в лес. К счастью, она точно помнила дорогу обратно.

Глава 1. Клариче Фиоре

Солнце лениво поднималось из-за Гамьятских гор. Весной начало дня в столице было неизменно холодным и Клариче, так и не отвыкшей от родной жары, приходилось кутаться в шаль. Во дворце перестали топить десять дней назад. Императору доложили, что подвальные печи неисправны — то ли деформировались, то ли укладка трещинами пошла, — а он только обрадовался этой новости. Ему пытались отчитаться, что уже готовы жаровни и грелки для замены, но он и слушать не стал. Объявил, что отныне двор должен жить по-летнему и добавил пару шуток об изнеженных графах и виконтессах, которым нужно чаще закаляться, от этого здоровья прибавится. Императрица, хоть и была крайне теплолюбивой, с улыбкой поддержала супруга. И теперь, стоя в покоях Её Величества, кутаясь в самую тёплую шаль, какую только смогла у себя найти, Клариче молча проклинала закалку Государя.

Приближался Маскарад — главный праздник Империи по негласному мнению дворянского сословия. Время танцев, вина, скабрёзных шуток и всяческого разврата. И, как велят традиции, за четырнадцать дней до торжества Императрица пригласила ко двору лучших портных и купцов, чтобы благороднейшие дамы Кетерата выбрали себе наряд под стать. Сейчас в комнатах Её Величества стоял гвалт, да такой силы, что, Клариче была уверена, слышно было на мужской половине дворца. В четырёх просторных залах расположили столы, на которых пестрели полотна тканей всевозможных цветов и узоров. Каждый стол «принадлежал» определённому купцу или портному, и у каждого дежурили пажи, записывающие заказы придворных дам. Самих дельцов внутрь не пускали. На женское крыло дворца дозволено было заходить только пажам и гвардейцам. И то далеко не всем.

Клариче Фиоре, камер-фрейлина Императрицы, стояла у окна, задумчиво расправляя несуществующие складки юбок. Свой выбор она уже сделала, а поддерживать светские беседы с охающими и ахающими барышнями не хотелось. У неё начинали еле заметно гудеть виски, а значит, скоро в полную силу заболит голова. Звонкие возгласы только пришпорят недуг.

— Клара! — зычно окликнули сзади.

Девушка развернулась и тут же присела, обозначив реверанс.

— Да, Ваше Величество?

Императрица Тельма Хион полулежала в излюбленном кресле, поглаживая гриву рыжих волос. Благородным дамам не по статусу носить волосы распущенными, но Тельма носила.

— Где наше новое приобретение?

Клариче оглядела толпу, взгляд зацепился за два светлых силуэта на фоне старинного полотна Натьерского художника, и Клариче отозвалась:

— У "Танца на берегу" Лефера. Пытается выдержать напор графини Танагрос.

— Какой кошмар. Надо спасти девочку, не то, боюсь, не доживёт до Маскарада.

— Полностью согласна, Ваше Величество, — Клариче поправила сползающую шаль и двинулась к своей подопечной.

Ивонет фон Ланг вывели в свет во время последнего бала — пару дней назад — и Императрица тут же взяла её под свое крыло, впрочем, фрейлиной пока не назначила. Девушка была провинциалкой, никогда не видевшей столицы и не знавшей её нравов, оттого она уже несколько раз грубо нарушала этикет, сама того не понимая. Последний случай был особенно вопиющим — девица фон Ланг непроизвольно назвала вице-канцлера собакой, и, хоть тот и вошел в положение, сказано это было на людях, а люди долго забывают такие курьезные случаи.

Вот и сейчас, молодая девушка в нежном лиловом платье держала в руках два обрезка ткани: красный и насыщенный зелёный. Она в нерешительности подносила к лицу то один, то

другой, а графиня Сесилия Танагрос щебетала ей на ухо, расхваливая оба. Стоило Клариче приблизиться к дамам, как графиня ступевалась и попыталась удалиться.

— Доброе утро. Сесилия, дорогая, вы уже выбрали себе ткань для наряда? У вас такой утонченный вкус, помню, в прошлом году вы затмили даже Её Величество, что, по общему мнению, просто невозможно. В этот раз вы повторите свой успех? Превзойдете Императрицу?

Несколько близстоящих дам потрясенно обернулись в сторону графини. Та испуганно заозиралась, бросила злой взгляд на Клариче и, скомканно распрощавшись, исчезла в толпе.

— Сударыня, у графини Танагрос и правда был столь безупречный наряд? — Ивонет прижала обрезки к сердцу.

— Нет, конечно, — фыркнула Клариче. — Она бы не посмела.

— Не понимаю, — честно отозвалась Ивонет.

— Пока и не надо. И бросьте эти ткани, сударыня, они вам не пригодятся.

Фон Ланг насупилась совсем как ребенок, но обрезки положила на стол, нежно разгладив рукою. Ситуацию с вице-канцлером тогда спасла именно Клариче, насколько было возможно, и Ивонет запомнила это. Девушка быстро училась.

Клариче взяла Иво по руку и повела к соседнему столу. Здесь лежал лисий шелк — нежные ткани, привезенные с далёких берегов Лисхэ.

— Выбирайте из белых и лиловых.

— Из фамильных цветов?! — вскинулась Ивонет, не отбирая руки. Клариче сделала над собой усилие, чтоб не поморщиться. Головная боль усиливалась, и визги ей только способствовали.

— Именно. В Маскараде от Маскарада только название. И маски, безусловно. Несколько десятилетий назад все действительно старались придумать костюмы понеобычной, позагадочней, из-за чего во время торжеств во дворце селили целый полк медиков. За один день происходило десять-двенадцать дуэлей и где-то пятнадцать отравлений. А Маскарад идёт три дня. Считайте, сударыня.

— Что считать? — не поняла Ивонет.

— Количество умерщвлённых дворян, — Клариче взяла белый лоскут и поднесла к щеке девушки. Та задумчиво рассматривала спину графини Танагрос, уже о чем-то смеющейся с двумя другими фрейлинами. Клариче улыбнулась уголками губ — девушка и правда быстро схватывала.

— Я хочу принести вам свои извинения, сударыня. В свою защиту могу только сказать, что я склонялась к красному, а не к изумрудному.

— Ничего страшного. Это Сесилия должна просить прощения, и не у меня, а у вас. Она же вас подставляла.

Тепло улыбнувшись в ответ, Ивонет перебрала рукой несколько лоскутов, неудовлетворительно откладывая каждый из них, а затем нахмурилась и принялась за дело всерьёз. Она выбирала скрупулёзно, внимательно осматривая каждый образец. Паж, прикрепленный к этому столу, сначала клевавший носом, сейчас окончательно проснулся, следя сложным взглядом за действиями девушки. Выбор затягивался, и Клариче уже хотела вмешаться, предложив свой вариант, но заговорить ей не дали.

— Сударыни мои!

Гвалт стих. Все обернулись к Императрице. Тельма грациозно поднялась из кресла и, изобразив свою самую душевную улыбку, объявила:

— Надеюсь, все уже определились. Второй час идет, не стоит морозить купцов дольше нужного. Подбор окончен.

Отовсюду раздалось злое перешептывание неудовлетворенных дам, заглушаемое шуршанием юбок. За 18 лет они так и не привыкли к повадкам Императрицы — все дела, которые занимали у искушенных аристократок весь день, она заканчивала за его четверть. Забегали

пажи, унося вниз образцы. Там, во дворе Саланийского дворца всё это время стояли десятки карет и повозок, а купцы взбирались на козлы, стараясь разглядеть в окнах хоть какой-то намек на происходящее с их товаром. Они ждали заказов и вот дождались.

Ивонет повернулась, чтобы удалиться со всеми, но Клариче её остановила:

— Куда вы, сударыня?

— Её Величество нас отпустила, — неуверенно ответила фон Ланг.

— Её Величество отпустила придворных и своих гостей, но вам стоит остаться с фрейлинами.

Залы практически обезлюдели за десять минут. Свитные дамы переместились на мягкие кресла и тафты, Клариче подошла к трельяжу. Сама Тельма за это время успела пересобрать свои волосы в высокую аккуратную причёску, причем сама и без зеркала. Ивонет смотрела на данное представление с выражением суеверного ужаса на лице, то и дело косясь на фрейлин и служанок — никто и не попытался помочь Императрице.

— Итак, на повестке дня... — протянула Тельма, оглядывая оставшихся, — у нас поездка в Собор Святой Аргеи. Мы считаем, что в последние дни недостаточно времени уделяем Творцу и Его Теургитам, и нужно незамедлительно исправить эту ужасающую оплошность. Собираемся, сударыни. Нас ожидает небольшая поездка. И да, не обременяйте себя обязанностью всюду сопровождать меня. Мы не на службу едем, а по велению сердца. Если давно не исповедовались — сейчас подходящее время.

Фрейлины спешно поднялись и как можно быстрее покинули комнаты Императрицы. Клариче смотрела им вслед, массируя точки на ладонях ближе к большому пальцу. Личный медикус отца как-то упоминал, что это бесхитрое упражнение помогает усмирить головные боли. Клара же приходила к пониманию, что старик либо врал, либо пересказывал чужую ложь. Массаж не помогал. Но Собор — это замечательно, ладан всегда положительно влиял на самочувствие девушки.

Ивонет, напоследок поклонившись отдельно Кларе, выскользнула из комнат последней. Императрица направилась в будуар, и Клариче молча проследовала за ней.

Как только они вошли в просторную, пахнущую розами комнату, Тельма Хион выгнала всех камеристок, слетевшихся было помогать Её Величеству, и опустилась на ближайший диван. Хархирский. Резной. Подарок прошлого посла, как его звали... сейчас и не упомянуть. Его казнили свои же люди сразу после начала войны.

— Клара, как она?

— Сообразительная. Но сильно доверчивая.

— Да, видно. Я бы ей позавидовала, да незачем. Она станет фрейлиной Аспасии. Молодец, что не отпустила девицу с остальными гостями. Пусть привыкает к новым обязанностям, — Тельма по-мужски растёрла шею и скинула шаль. Клариче же, вспомнив, что носит схожую, поправила свою.

— Благодарю, Ваше Величество. Приятно знать, что хоть иногда слухи не врут. Дворец гудит о новоприбывшей провинциалке. И судачит, что Вы сделаете из неё то ли камер-фрейлину, то ли “отдадите” одной из принцесс.

— Сложно было не догадаться, — протянула Императрица, разглядывая манекены с дорожными платьями, похожими друг на друга до безобразия. — Зачем ещё она бы мне понадобилась. А про брата её что-нибудь говорят?

— Что он станет вашим адъютантом.

— Верно. И тут угадали. Или не угадали. Осталось дождаться его приезда. Передают, Дитрих такой же, как она — наивный, но схватывающий на лету. Она его упоминала?

— Один раз, вчера на чаепитии. Сказала, что он “очень серьёзный” и “верен короне”.

Императрица задумчиво молчала. Клариче поглаживала свою шаль. Слышно было, как за стеной бегают по коридору слуги — видно, фрейлины в спешке обмениваются украшениями или дорожными платьями.

— Надену его. Зови камеристок, — Тельма указала на светло-зелёный наряд с золотыми оборками. — Я видела, что ты выбрала для Маскарада. Приятный шелк. Удостоверься, что твой портной поработает над ним не щадя сил и времени, и будь спокойна, если платье окажется прелестнее, чем дозволено.

— Ваше Величество, — Клариче низко поклонилась и поспешила в свои покои. Пока что она решила не думать о ремарке про Маскарад. Тельма любила заранее дать указания, касающиеся какого-либо её очередного плана, не вдаваясь в объяснения, и пытаться предугадать, к чему относится тот или иной приказ, как правило, было бесполезным делом.

*

В дорожном наряде государыня спустилась вниз. Клариче следовала за ней, так и не переодевшись, только накинув плащ на плечи. Восточный двор, в отличие от Западного, был меньше и закрыт для всех, кроме Императрицы и её свиты. Здесь не было потеющих от переживания купцов, по краю росли не пасторальные белые тюльпаны, а теффские розы, требующие неприлично внимательного ухода.

Экипажи уже были готовы. Прочие фрейлины стояли около второй и третьей кареты и о чем-то задорно смеялись, особняком держалась Ивонет. Тельма Хион забралась в первую. Клариче последовала за ней. Лакей захлопнул дверь. Камер-фрейлина расправила юбки, а потом достала из-за корсажа кулон Трёх Теургитов. Три звезды, вестницы и слуги Творца, были рубином, бриллиантом и аметистом, соединёнными мастером Лацисом в маленький шедевр ювелирного искусства. Прежний кулон — тяжелый фамильный изумруд — девушка сняла и заменила на новый, более подходящий случаю. Императрица весело улыбнулась, наблюдая за этим.

Сначала справа, а потом и слева пристроились гвардейцы. Конь одного из них заржал и мотнул головой, бряцнула сабля седока. Клариче вздохнула. Обычно рядом с императорской каретой едут адъютанты. Жан сейчас далеко, а Себастьян и вовсе там, откуда не возвращаются. Девушка не хотела себе признаваться, но одной, без своих верных пособников и соучастников, было тяжело. Тельма как всегда всё поняла правильно.

— Виконт Риндье скоро вернётся к нам, а затем прибудет и виконт Лангберг.

— С нетерпением жду возвращения первого, — отозвалась Клара, вспоминая, как незадолго до скомканного отъезда Жан грозился, что обязательно привезёт лучшего вина из семейных погребов, и они вместе его откупорят.

— А знакомиться со вторым, стало быть, не желаешь?

— Я уверена, Дитрих фон Ланг станет Вашим верным слугой и моим надежным товарищем.

Тельма хохотнула.

— Станет.

Процессия тронулась. Сначала за окном мелькали дворцовые постройки и многовековые дубы императорского сада, издали был виден Птичник — огромное стеклянное здание, гордость покойного батюшки нынешнего Государя. Потом свет мигнул — экипаж проехал Восточные ворота — и карета покатила по столичным улочкам.

Аргея была шумна, грязна и местами немного красива. Брат рассказывал, что все столицы такие, и Клариче ему немного завидовала. Витто было, с чем сравнивать, он в разных местах побывал. Императорский кортеж проезжал по опрятной части города — Соборным кварталам: здесь располагались поместья богатейших дворян и дорогие злачные заведения, несколько театров, неизвестно как выбивших себе эту землю, и сам Собор Святой Аргеи.

Дорога пролегла через чистые улицы, вдоль роскошных особняков и приветливых горожан. Краем глаза камер-фрейлина заметила компанию подданных высокородных стрейсторцев, которые, заметив императорскую карету, громко засвистели и удивительно стройно закричали: “Да здравствует Государыня Императрица!” Ещё через две-три улицы мимо проскакал один из посыльных Дикастерии Посольских Дел. Клариче попыталась успеть разглядеть, кто именно спешил по делам канцлера, но увидела лишь красное пятно на соловой лошади.

— Клара, — тихо позвала Императрица.

— Да, Ваше Величество, — девушка тут же собралась. Тельма Хион, пышущая жизнью женщина, обычно звучавшая громко даже тогда, когда не хотела этого, обращалась к своему тихому голосу только в крайне серьёзных случаях.

— Первое. Сегодня в час пополудни в Фиалковом кабинете ты встретишься с мастером Сальго. Помнишь его?

Клариче кивнула. Худой зельевар был немногословен, безлик и очень добр. Как он дожил до своих пятидесяти с мягким сердцем, учитывая его ремесло, было загадкой похлеще болотных пум.

— Чудно. Примешь от него два флакона. Извинишься, что я не смогла быть. Уберёшь, знаешь куда. Завтра я отправлю тебя в свой кабинет за какой-нибудь мелочью. Заберёшь бутылёк с оранжевой жидкостью. Будешь держать при себе.

В прошлый раз после таких инструкций занемог и скончался прежний маркиз Розмарк, молодой здоровый мужчина. Интересно, кто сейчас сляжет с неожиданной диареей? Правда, водица была другого цвета... Клара внимательно слушала.

— Второе. Завтра приезжает Аспасия. Я удостою её аудиенции, но позже придётся заняться приготовлениями к Маскараду. Скорее всего, в ближайшие два-три дня я не смогу полноценно увидеться с дорогой дочерью. Устрой для неё чаепитие. Заговори, как ты можешь. Справься о самочувствии. Твоя задача – незаметно подлить ей пять капель. Это всё.

Камер-фрейлина, будто со стороны следя за собой, заметила, что её несколько не удивил и не покоробил такой приказ. Она без заминки отозвалась:

— Как прикажете, Ваше Величество.

*

Белоснежный собор высился над площадью Триады. Он был умело спроектирован: в удачные дни шпили сливались цветом и фактурой с облаками, казалось, что обители Творца нет конца на брэнной земле. Нижние окна здания были застеклены алыми витражами, верхние — пурпурными, средние — белыми, а над входом красовался мурал, изображающий Святую Аргею, умирающую над поверженным Архонтом Тобиасом. Сама дева была бледной, как смерть, её кровь, стекая, заливала весь пол, а глаза светились, окрашивая фиолетовым небеса на изображении. Таким образом все три цветовых уровня собирались в одну исполинскую картину.

Экипажи остановились, и лакеи открыли двери. Императрица вышла на площадь, накинув на голову шаль - на этот раз белую. Сэль-матр Бэлла стояла на верхних ступенях, и Клара издали чувствовала привычное напускное добродушие своей тётки.

Камер-фрейлина улыбнулась. Вот сейчас день похорошеет.

Внутреннее убранство Собора было ещё богаче, чем внешнее. Стены и потолок были высечены из белого мрамора, пол — из черного. С внушительных поперечных балок у сводов ниспадали хоругви с изображением кинжала — символа Святой Аргеи. В военные времена их снимали и распределяли по основным военным формированиям, чтобы дух Защитницы всегда был с командующими и солдатами. Основной зал был так же украшен серебряными полотнами ткани и множественными постаментами, на которых покоились предметы, принадлежа-

щие когда-то самой Аргее: книги, диадемы, локон волос, письмо, написанное ею своему брату. Самое драгоценное из всех сокровищ лежало на изысканном алтаре в апсиде — кинжал.

Согласно Писанию, когда Кетер Первый основал Империю, его прежний сюзерен, Архонт Тобиас Мон, приплыл в эти земли, чтобы заявить на них свои права. Развязалась долгая и изматывающая война. В конце концов, люди врага захватили в плен сестру Первого Императора — прекрасную Аргею. И пока Кетер пытался придумать план, как вызволить её из заточения, молодая девушка сама исправилась своё прискорбное положение. Во время того как её, едва живую, Тобиас тащил по лагерю от своего шатра в застенки, она извернулась, выхватила кинжал из-за пояса похитителя и всадила ему в сердце. Архонт не успел ничего понять — девушка хитро притворилась измученной, и он не рассчитывал на такие резвые действия. Естественно, её тут же зарезала стража. Но воспоминания людей Тобиаса, заставших это историческое событие, остались. Все они писали о том, как Святая умирала с нежной улыбкой на губах. Улыбкой человека, окончившего войну и таким образом выполнившего своё предназначение.

Нельзя было сказать наверняка, правда ли эта история произошла, в конце концов и мемуары военачальников Тобиаса могли оказаться творчеством церковников, а если и да, то ровно ли так всё было, как утверждают теургийцы. Но одно Клариче знала точно — кинжал определенно был подделкой. Тётушка Бэлла как-то по секрету рассказала Кларе, что Орудие Освобождения было выковано одним талантливым императорским оружейником три поколения назад, после чего “чудесным образом нашлось” на раскопках около столичного порта, ведь именно на месте того самого военного лагеря и построена столица Кетерата. Клариче находила весьма забавным то, что на службах священницы и дворяне кланяются подделке, которая в лучшем случае столь же ценна, что и самая дешевая сабля Императора.

Вот и сейчас, поприветствовав друг друга, сэль-матр Бэлла и Тельма Хион направились вглубь Собора к постаменту с кинжалом для вознесения молитв. Фрейлины, составляющие свиту Императрицы, разделились: некоторые нашли своих духовниц и отошли исповедоваться, но большинство последовали за Императрицей, чтобы присоединиться к таинству. Клариче же отвела Ивонет в сторону. Девушка большими глазами рассматривала убранство.

— Здесь так красиво, — на выдохе сказала она.

— Не могу не согласиться. У вас, как я понимаю, не было времени посетить Собор раньше?

— Нет, о чем я сейчас несказанно жалею.

— Ничего страшного. Идите за мной.

Клариче, взяв под руку Иво, прошла вдоль стены к правой лестнице, ведущей на второй уровень. Наверху в закутках располагались исповедальни.

— Поднимайтесь. Там ждут прихожан несколько священниц. Выбирайте любую или подождите, пока кто-нибудь к вам не подойдет. У вас, сударыня, обязательно должна быть духовница в Аргее. Понимаю, что скорее всего она уже есть дома, но здесь такие нравы. Если не приезжаете покаяться хотя бы раз в пять-шесть дней, на вас будут косо смотреть.

— Конечно, — Ивонет незамедлительно ступила на лестницу.

Клариче провожала её взглядом, когда к ней подошла сестра Гвиневра. Сухопарая вечно чем-то недовольная священница приветственно кивнула камер-фрейлине.

— Грешила ли ты, дитя моё?

— Пока что нет, сестра, но день только начался.

Гвиневра зло шикнула на подопечную.

— Ещё громче скажи это! Не все услышали! Идём, бессовестная! — она, резко развернувшись, направилась к апсиде, где в отдельном углублении в стене стояли исповедальни особо важных гостей. Сюда пускали членов императорской фамилии, некоторых Нешских и Эзонов, а также, самое главное, всех Фиоре.

Клариче, забираясь на свою половину, несколько раз проверила, плотно ли она закрыла скрипучую дверцу. Из-за решетчатого окошка раздался раздраженный голос:

— Прекрати мучить старую мебель.

— Не прекращу. Нас слышно будет.

— Клара, ты это каждый раз говоришь, и каждый раз никто ничего не слышит. Прекрати, кому сказала! — по стенке грозно стукнули.

Камер-фрейлина отпустила ручку двери и, немного повозившись, села ровно. В кабинке стояла масляная лампа, которую положено было зажигать, но искусственный свет неприятно резал глаза Клариче, и к её приходу, как правило, лампы не трогали. На этот раз, видимо, о чувствительных глазах девушки решили забыть, поэтому она зло щурилась на ненавистный светильник, который невозможно было потушить изнутри исповедальни.

— Итак?

— Итак... — вздохнула Клара, собираясь с мыслями. — Четыре дня назад я совершила грех пьянства: нужно было узнать у гонца, почему поставки зерна из Ката задерживаются. Узнала. Один мелкий чиновник напутал с расчетными книгами, люди герцога переписывали отчеты, пытаюсь скрыть его оплошность, и на самом деле неплохо с этим справились. Насколько мне известно, я первая, кто получил эту информацию, хотя прошло достаточно времени с задержки обозов. Два дня...

— Подожди. Кто напутал?

— Франц Хофер, мещанин. Ранее был точен в службе. Его наказали, но не сильно. Он нравится герцогу.

— Ясно. Далее.

— Два дня назад во время выборочной проверки почты выяснилось, что фрейлина Леонор Брэкенмур ведёт любовную переписку с хархирским аристократом, одним из послов, приехавших к нам на подписание капитуляции. Я приказала служанкам перехватывать её письма, но пока что новых не было. Её Величество подозревает, что это не дела сердечные, а нечто хуже. Леонор — умная девочка, и на чувства не повелась бы.

— А ты?

— Не поняла.

— Что думаешь ты?

— Я считаю, что могла и обыкновенный роман закрутить. Никогда не знаешь, когда очаровательный офицер на голову свалится, а, насколько я помню, послы все были писаными красавцами.

— Имя?

— Зариназ Си-Кельвит. Он... — Клариче нахмурилась, напрягая память. — Цушхин. Граф по-нашему. Но это только догадки. Имён в письме не было, я сопоставляла рассадку хархирцев за столом со "...светом канделябров, изящно подчеркивавших шрамы на вашей щеке".

— Хорошо. Далее.

— По пути сюда Её Величество приказала мне убить принцессу Аспасию, — Клариче замолчала, давая словам осесть в тишине исповедальни.

После недолгого молчания, Гвиневра спросила:

— Каким образом?

— Отравить. Подлить одно из зелий мастера Сальго Её Высочеству. Сам яд, оранжевый по описанию, получу сегодня ночью от него же.

— Императрица упоминала именно убийство?

Клариче задумалась:

— Нет кажется, нет.

Священница стукнула кулаком по решетке, сердито говоря:

— Ну и не прыгай к безосновательным заключениям! Это может быть что угодно! В прошлый раз ты доложила, что Её Величество хочет завести любовника, а оказалось, это Император письмо своему генералу через Неё послал.

— Хорошо, учту, — буркнула Клариче.

— Всё?

— Всё.

— Отпускаю твои грехи и благословляю на праведность, вверяю силу на сохранение чистоты помыслов и деяний. Да пребудет с тобой Взор Защитницы в ночи и при свете дня, во снах и наяву, — мелодичным напевом произнесла Гвиневра, после чего сухо добавила: — Если это и правда убийство, твой отец не обрадуется.

— Догадываюсь. Аспасия же помолвлена на вестторском принце, придётся им младшую принцессу отдавать, а это уже не выгодно.

— Не в этом дело. Герцог Фиоре уехал на север по важному делу. Просил не беспокоить по мелочам. Смерть Её Высочества, даже потенциальная, — не мелочь. Ты знаешь своего отца, если велит не отвлекать, значит, не просто так. Ну и да, уже всех правильных камеристок и служанок для свиты принцессы подобрали. Столько сил впустую.

— Не думаю, что он сорвётся с места, даже если Аспасия нас покинет. Ты как будто собственной сэль-матр не доверяешь. Тётушка Бэлла справится с ситуацией.

— Да. Ты права, — Гвиневра зашуршала одеждами, вставая: — А теперь брысь отсюда, сударыня. Если не присоединишься к молитве Её Величества, твоя дражайшая тётя меня съест живьём и не подавится.

Клариче уже выскакивала из исповедальни, на прощание негромко хлопнув скрипучей дверцей.

Глава 2. Жан де Риш

Неель-д-Ривьер всегда был дождливым городом. Мало того, что он располагался у подножия гор, за которые так любили цепляться тяжелые грозовые тучи, так ещё его огибала река с трёх оставшихся сторон. Как ни перестраивали мостовые, всюду стояли вечные лужи, а дома покрывались то зеленой, то черной плесенью.

Жан де Риш и его семья застряли в этом недружелюбном месте во время очередного ливня. Юный адъютант вез свою мать и младшего брата в столицу. Дождь был ожидаемым препятствием, но никто и подумать не мог, что лить он будет с такой силой. Дороги до Аргеи были хорошими, карета была подобрана с расчетом на проезд по земле Неелей, да и лошади не раз выполняли свою неблагодарную работу в дождь, но всё-таки пришлось останавливаться.

— Вы уж простите нас, Ваше сиятельство, но комнат совсем не осталось, — хозяин гостиницы старательно изображал учтивость, время от времени косясь на резной герб, украшающий дверцу кареты. — Не дело это — выгонять прочих постояльцев. Они уже заселились и давно спят — глухая ночь же. Да, к слову сказать, столь же высокородные, что и вы. Не поймут-с.

Жан знал, что половина гостиницы пустует, и даже если бы была занята полностью, некоторых жильцов точно можно было бы попросить освободить комнаты ради семьи графа. Он это знал и ничего не мог с этим сделать — в Неель-д-Ривьере его фамилии были не рады. Ливень как назло поймал его с матерью и братом именно здесь.

Адъютант молча кивнул хозяину гостиницы, мелкому сальному мужичку, и ушел к карете. Подойдя, он остановился в шаге от двери и отстраненно посмотрел на лошадей: две из шести спали стоя, а остальные, молодые и энергичные, задорно ловили струи дождя мощными ртами. Промокший насквозь кучер клевал носом. Жан тряхнул головой, разбрызгивая веером капли с кудрявых волос. Его белоснежное одеяние сейчас выглядело ужасно — доломан потемнел, и даже золотая вязь на груди выглядела бронзовой, а на чакчиры и черные сапоги и вовсе было больно смотреть: они покрылись несколькими слоями неельской грязи. Немного спасало ситуацию пальто, оно прикрывало доломан со спины, так что хоть где-то он сохранил свой натуральный белый цвет. Но, что более важно, пальто спасало ещё золотую вязь на левом рукаве — инициалы Императрицы, искусно обшитые золотыми нитками в форме лиан и цветов. Жан бессознательно взялся за руку в том месте, где под пальто и должна быть эта вышивка, и потер, зло сжимая пальцами собственные мышцы, чтобы почувствовать сквозь ткань буквы Т.А.В.Х.

Это была уже пятая гостиница, отказавшаяся принимать на ночлег де Ришей. И что-то подсказывало, оставшиеся две так же ответят отказом.

Жан уже потянулся, чтобы открыть дверь кареты и войти, как вдруг услышал сзади:

— Друг мой любезный, вот скажите, что вас надоумило пускаться в путь именно в эти дни? До Маскарада ещё уйма времени! К чему такая спешка?

Адъютант обернулся. К нему на белоснежном коне подъезжал молодой мужчина, одетый в ту же форму, что сам Жан, только, и это знал каждый имперец, золотая вязь под пальто была не на левой руке, а на правой, да и сами инициалы принадлежали Императору, а не Императрице.

— Димитрий! Какая встреча! — Жан никому бы так не обрадовался, как своему боевому товарищу. — Что ты забыл в этом городе?

— Тебя. И твою уважаемую матушку. И... брата, если не ошибаюсь? — Димитрий спешился, обдав Жана брызгами из лужи. — Ты зачем Бастьена-то в столицу повез?

— Он уже большой, ему скучно дома сидеть, — ответил Жан. На его губах плясала дурацкая блаженная улыбка. Маркиз Димитрий Нешский был человеком невероятным. Адъютант

Императора был ещё молод, но уже вошел в легенды у дворян и простолюдинов как сказочный герой, для которого не было ничего невозможно. Казалось, прикажет Его Величество ему завоевать Весттор или достать Камень Желаний, как Димитрий только скажет «слушаюсь» и через пять минут перед Императором будут лежать ключи от соседнего королевства и магический алмаз в придачу. И если сейчас Димитрий пришел спасти Жана и его семью от дождя и нелюбви Неель-д-Ривьера то определенно спасёт.

Из кареты донесся сонный женский голос.

— Жан? Это ты?

Адъютант только хотел откликнуться, но инициативу перехватил Нешский:

— Не угадали, Ваше сиятельство!

Шторка в окошке сдвинулась, из тьмы кареты показалось млаожавое личико матери Жана — графини Анжелики де Риш. Она выглянула, вперившись своим пустым страдальческим взглядом в Димитрия. Лицо её чуть разгладилось, а губы как будто против воли хозяйки показали робкую улыбку.

— Какая встреча, маркиз. Вы пришли нас спасти от этих негостеприимных варваров?

Жан поморщился. Надежда и святая уверенность в голосе матери покоробили его, хотя сам с теми же чувствами и, он был уверен, с теми же светящимися глазами встречал Димитрия только что.

— Ну как же я могу вас здесь оставить? Точнее не я, а Её Величество. Наш Государь передал меня на несколько дней в пользование своей блистательной супруге, а Она уже направила меня вам на встречу, — Димитрий отвесил шутовской поклон, и пола его пальто с громким чавкающим звуком окунулась в лужу. Адъютант Императора, казалось, не заметил этого. — Вели своему кучеру ехать за мной, Жан. Я снимаю небольшой домик в городе, там найдется место для всех моих друзей и их родственников.

Маркиз легко взлетел в седло своего коня и проехал вперед.

— Ох, как же нам повезло — Её Величество всё ещё благосклонна к нам, несмотря на то, что ты натворил, — голос матери утратил восхищенные нотки и вновь вернулся к тону святой мученицы. Она всегда была такой — вечно болезненной женщиной с горестным взглядом. Жан сначала этого не понимал, ведь у матери было всё, что она только могла пожелать, но неизменно она находила в своей жизни что-то, что, как ей казалось, шло не так, и с усердием страдала от этого. Уже позже, заступив на службу, повидав разных людей, он увидел, что это всего лишь такой склад характера, и поделать с ним ничего нельзя.

— Императрица мудра, матушка. Она всегда видит картину целиком и знает, кто достоин её покровительства, а кто нет, — с терпеливой улыбкой ответил Жан. Он принял от слуги узду своего кобылки — белой, как и положено адъютанту императорской семьи — и подошел к кучеру.

— Луи!

Старик не шелохнулся.

— Луи, драть тебя! — громче крикнул Жан.

Кучер отмер, протер глаза грязной ладонью, смахнул со шляпы воду и осоловело уставился на хозяина. Моргнул раз, другой и резко выпрямился:

— Едем дальше, Ваше сиятельство?

Жан второй раз за несколько минут поморщился. Старик даже не предположил, что им могли выделить комнаты; он сразу спросил, ехать ли в следующую гостиницу.

— Едем. Маркиз нас проводит, — адъютант указал кивком на стоящего впереди всадника.

— Слушаюсь.

Димитрий, будто услышав сквозь шум дождя команду Жана, неспешно тронулся по мокрой брусчатке. Карета послушно покатила за ним. Из-под ближайшего навеса возникли ещё

четверо всадников из личной гвардии де Ришей и, присоединившись, влились в общий строй. Жан пропустил весь кортеж вперёд и лишь тогда, когда тот отъехал, сам сел в седло, замыкая собой шествие. Краем глаза он заметил хозяина пятой гостиницы. Мужик так и не ушёл в дом, а стоял у двери под крышей, провожая сердитым взглядом неожиданных гостей.

Ехали недолго — Неель-д-Ривьер был маленьким городом. На главной площади напротив фонтана стояли три здания: ратуша, учёный дом и тот самый “небольшой домик” Димитрия.

До Жана донеслись команды от людей маркиза, и резные ворота распахнулись будто сами собой. Пока карета и гвардейцы въезжали на территорию, адъютант опасно осмотрелся. В такой час и при такой погоде здесь никого быть не должно, однако около фонтана, облокотившись, стоял человек, едва различимый за пеленой дождя. Не видно было ни лица его, ни знаков отличия, но Жан мог поклясться, что если подъедет ближе то увидит фиолетовые нашивки Неелей на дублете.

— Жан? — перекрикивая всё ухудшающийся ливень, позвал Димитрий.

Адъютант тряхнул головой и дал кобыле шенкелей, бодро въезжая в открытые ворота. Это город графов Неелей, естественно здесь всюду дежурят их люди, даже в такую погоду. Им, наверное, не привыкать, несколько раз в месяц схожие бедствия испытывают. Спешиваясь, Жан ещё раз встряхнулся и, отгоняя мрачные размышления, пошел было к карете, но Димитрий его опередил. Он уже вносил в дом спящего на руках Бастьена. Мальчишка звонко сопел, да так, что это было отчетливо слышно, и никакие ливни не помешали его крепкому сну.

Из кареты показалась требующая помощи рука Анжелики де Риш, и Жан порывисто подбежал к ней. Он помог матери спуститься, прикрывая от дождя своим пальто. Где-то слева послышались звонкий мужской гогот и звук закрывающейся двери — гвардейцы направлялись в отдельную пристройку. Жан с матерью перешли под крышу и в дом, чавкаяще разбрызгивая лужи. Анжелика, смотря на подол своего платья, кривилась, но молчала.

Этот небольшой дворец Димитрий явно не просто “снял” — всюду висели гербы Нешских, а мебель придерживалась исирского стиля. Семья маркиза если и не построила дом, то обустроивала точно. Жан хмыкнул, прикидывая, зачем северным герцогам понадобилось постоянное место жительства на юге, в совершенно чужих землях, да ещё и в центре такого неприятного городка.

— Располагайтесь, Ваше сиятельство! — Димитрий галантно поцеловал руку Анжелике. — Бастьена уложат в Изумрудных комнатах. Для вас подготовили Сапфировые — этот цвет очень подходит вашим глазам. А вашего старшего сына я чуть-чуть ещё помучаю — нам нужно обсудить скучные имперские тайны.

Анжелика смущенно раскраснелась. Она позволила служанкам увести себя на второй этаж, по дороге рассыпаясь в словах благодарности маркизу.

На несколько секунд в вестибюле воцарилась тишина, показавшаяся Жану до ужаса неловкой, он, преодолевая себя, заговорил:

— Ты нас и правда спас. Благодарю.

— Не меня благодари, а Императрицу, — голос Димитрия изменился. Теперь, когда вокруг не было посторонних, он звучал спокойнее и задумчивее. Ушла игривость. — Идём в салон. В карты играть не будем, не до того; но обсудить кое-что и правда надо. Там же переоденешься, я взял на себя смелость забрать у мастера Ривенанна несколько платьев тебе на смену.

Жан кивнул, неприязненно оглаживая мокрые чакчиры, липшие к телу.

Рядом с салоном, уставленным игорными столами, была небольшая комнатка. Здесь Жана ждали две служанки и бадья горячей воды. Быстро помывшись, Жан надел платье, такое же как грязное, только совершенно новое. Пальто и саблю с перевязью, протянутые ему девушкой, он повесил на предплечье и вышел к Димитрию.

Маркиз сидел у камина, всё ещё в дорожной одежде, и пил вино. На коленях лежала раскрытая книга, но он не смотрел в неё. Хмурый взгляд его был прикован к танцующим языкам пламени.

— Между прочим, я очень патриотично и по-дружески пью твой родной сорт. Эта бутылка из новых, не выдержана толком, — протянул Димитрий, не отрывая взгляда от огня. Жан усмехнулся, присаживаясь напротив.

— Большая честь, Ваша светлость. И как вам?

— Честно ответить? Или как другу? — Димитрий отставил бокал и убрал книгу с колен, обращая всё свое внимание на собеседника.

— Как угодно. Я и так знаю, что последние года у нас одна кислятина растет, — фыркнул Жан, отчего-то напрягаясь. Он прочистил горло и спросил: — Что-то требуется Её Величеству?

— Может, и требуется. Мне Она ничего не передавала, а я не в том звании, чтобы задавать вопросы, да и сомневаюсь, что оно есть, звание такое.

— Святая Аргея. Она, наверное, могла бы что-то стробовать с Её Величества.

— Могла бы, — протянул маркиз и умолк.

Прошли долгие три минуты. Всё это время Димитрий молча разглядывал лицо де Риша.

Жан нервно поёрзал, про себя отмечая, что вина ему не предложили, хотя должны были. В конце концов он не выдержал:

— Что стряслось?

— Пару месяцев назад нашего общего друга нашли убитым в императорском саду. Зарезанным саблей. Грязно так, по-плохому. Дело было признано дуэлью, хотя на лицо именно убийство, а не выяснение вопросов чести. Резали по голени и в шею кололи. Ещё и несколько раз.

Жан похолодел, затылком ощущая накотившую панику, пришедшую на смену обычной тревоге. Горло вмиг пересохло.

— Да. Наслышан. Это... ужасно.

— Убийцу так и не нашли. Да и, говоря откровенно, не искали вовсе. Император выразил свои соболезнования матери и отправил щедрую компенсацию за убитого сына, единственного наследника древнего, хоть и небогатого, рода. Не дай Кетер меня кто услышит, Его Величество буквально откупился от бедной женщины, у которой ничего не осталось. Муж погиб на войне, теперь и сына нет. Повезло только, что земли у этой дамы так себе, — Димитрий скептически посмотрел в окно, по которому звучно бил ливень. — Никто из соседей не позарится на эту промозглую лужу.

— Надеюсь, что не позарится. Как я слышал, даже дальние родственники, следующие в очереди на наследство, воротят нос от графства, — отозвался Жан. Первая волна страха прошла, и теперь он пытался понять, зачем адъютант Императора завел этот разговор.

— Мне спрашивать, или сам мне всё расскажешь?

Жан нахмурился ещё сильнее.

— Спрашивай. Не понимаю, что я должен рассказать.

Димитрий криво улыбнулся и устало спросил:

— Жан, друг мой, ради всего святого, зачем ты Себастьяна убил?

Юноше не понравился этот вопрос.

— Я никого не убивал.

— Хорошо-хорошо! Заколол. Это правильное слово?

— Нет, тоже не то. Димитрий, я не имею никакого отношения к смерти Себастьяна.

— Имеешь, и мы оба это знаем.

— В таком случае, раз мы оба это знаем, зачем задавать глупые вопросы? — прошипел Жан.

— Затем, что я не знаю причин вашей, с позволения сказать, дуэли, а мне это важно, вы же у меня на глазах росли, считай младшие братья. Разве тебя не мучила бы смерть Бастьена от сабли Готье?

— Я бы держал свои муки при себе, если бы Император сказал, что конфликт исчерпан.

— Врёшь.

— Отнюдь. Я весьма честен.

Димитрий цокнул языком, залпом выпивая оставшееся в бокале вино, и слегка привстал, подбирая с каменной полки кочергу и используя её по назначению. Огонь, следуя за движениями Нешского, радостнее заплясал в камине.

— Жан, я ценю твою верность короне. Это делает тебе честь, но ради Святого Кетера, это же Себастьян, наш общий друг! И ты, драть тебя, любил его, как и я.

— Любил. Мы, когда детьми совсем были, в шутку клялись на крови в братстве и верности. А недавно уже серьёзно вспоминали это и пришли к выводу, что клятва оказалась вполне себе настоящей, мы её успешно исполняли все эти годы. И я скорблю о его гибели, поверь, сильнее чем ты.

— Так почему ты не можешь мне рассказать, в чем было дело?

— Потому что у меня есть прямой приказ Императрицы.

— Приказ — понятие растяжимое, — фыркнул Димитрий, кладя кочергу на место.

— Да нет, вполне четкое понятие. К тому же я с ним полностью согласен.

Маркиз откинулся на спинку кресла, забросив ноги на небольшой столик.

— Вот это уже другой разговор. И эта твоя солидарность наводит на интересные мысли.

Жан, в котором к этому моменту не осталось волнения, только раздражение, вновь почувствовал неприятное щекотание у затылка. Димитрий, к счастью или к несчастью, был человеком умным и догадливым.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — нехотя отозвался Жан.

— Себастьян всегда был очень порывистым и эмоциональным мальчиком. Я считаю, он сделал нечто ужасное. Нечто столь кошмарное, что ты предпочел заколоть его, а не спускать дело с рук. Что-то похожее ведь уже случалось. Год назад, когда хархирцы чуть не прорвали нашу оборону под Олисиппом, и вы спешили ко двору со срочными донесениями. Себастьян хотел задержаться в гостинице по пути, отоспаться, но ты вынудил его скакать практически без сна. А потом ещё наябедничал Императрице.

— Наябедничал? — Жан в удивлении переспросил. — Счет шел на часы! Если б мы опоздали!..

— Жан, я не об этом говорю. Ты сдал его. Скорее всего и сейчас он что-то натворил, только в разы хуже, и ты предпринял закономерные действия. С твоей точки зрения. Я прав?

Адъютант Императрицы отвернулся к огню камина.

— Я прав, — сам себе ответил Димитрий. — Что ж, надеюсь только, оно того стоило.

Он лениво налил себе ещё один бокал. Жан смотрел на то, как друг не морщась отхлёбывает натьерскую кислятину, и молчал. Этот разговор отнимал у него последние силы.

— Видел мужчину у фонтана? — вдруг прервал тишину Димитрий.

— Видел. Неельцы приставили кого-то следить за мной, ничего удивительного. Как не прибили-то ещё...

— Они хотели. На соседней крыше сидел стрелок. Стрелял, наверное, хорошо, но вот на саблях дрался плохо.

— Понятно. Благодарю. И за это.

Димитрий в ответ отсалютовал бокалом.

— Сочтёмся. Почему, к слову, вы не поехали через Орфедро? Дольше, конечно, зато угрозы для жизни нет.

— Это большой крюк.

— Не такой большой, как ты думаешь. Дня три-четыре всего.

— Вот именно. Меня вызвала Её Величество, а значит, мне нужно быть в Аргее как можно скорее. Изначально она отправляла меня домой на полгода.

Вновь замолчали. Жан почувствовал, что вот-вот заснет, поэтому встал и, схватив со столика бутылку, много отпил из горла.

— О, — уважительно протянул Димитрий.

— О, — в той же манере ответил Жан, а затем резко рассмеялся. Смех становился громче, пока не перерос в полноценную истерику. Она завладела им надолго — на целые две минуты, а затем юноша сел обратно в кресло, затихая. Его потряхивало, а мышцы живота неприятно сводило.

— Что смешного? — доброжелательно спросил Нешский.

— Графиня Элоиза Неель — дура.

— Как нехорошо ты отзываешься о матери покойного друга... Откуда такие выводы?

— Могла бы приказать пустить нас в гостиницу. Мы бы заснули, а спящих очень легко убивать.

— Да, так было бы проще. Но я не думаю, что она позволила бы тебе хотя б секунду попользоваться гостеприимством её города.

— И то верно.

*

Спать хотелось чудовищно, но поделать ничего с этим Жан не мог. Он просто не засыпал.

Поэтому он ходил по комнате, как дикий кот в клетке. Покои, выделенные ему Димитрием, были практически крестьянскими: кровать, небольшой стол со стулом и старый шифоньер. На полках последнего стояли несколько книг и свечей, но Жан не доставал их. Он надеялся, что сейчас вымотает себя, и тогда сон всё-таки смилостивится. Несколько раз он подходил к окну, боясь увидеть там человека у фонтана, но на площади никого не было.

Мысли о Себастьяне и о том, что Император назвал “дуэлью”, Жан гнал от себя весь последний месяц. Дома в Риндье, заваленный рутинными делами, он справлялся с этим легко, даже слишком. Сейчас, когда Димитрий в открытую поднял вопрос, было сложнее сохранять разум в чистоте. Адьютант знал, что поступил правильно, знал, и всё равно ненавидел себя за подлый поступок. Императрица спасла его пресловутой ссылкой, а он только сейчас это понял. Если бы Она просто завалила его приказами, ему всё равно пришлось бы жить во дворце и ловить на себе восхищенные взгляды и перешептывания людей. Он бы не выдержал.

О, и они ведь были именно что восхищенными! Себастьян зарекомендовал себя как одного из лучших дуэлянтов Империи. Когда нужно было драться: перехватить письмо у гонца или заставить замолчать неугодного купца, — Её Величество всегда посылала именно Нееля. А из скольких дуэлей он вышел без единой царапины! Убить такого человека было достижением. В глазах придворных сплетников противник Себастьяна стал в некотором смысле героем. На утро после убийства Жан, переговорив с Императрицей, поспешил в конюшни — обратиться из столицы нужно было незамедлительно, но вести разлетались по дворцу быстрее, чем хотелось бы. По пути ему приветливо улыбались, поздравляли и хлопали по плечу, а когда он седлал свою кобылу, некие не раскрывшие своих личностей дворяне прислали слугу с бутылкой хорошего крепленого вина и запиской: “Первой сабле Империи!”

Когда Жан приехал в Риндье, братья выбежали во двор, встречая его как какого-то генерала, только что одержавшего невозможную победу. Конечно, он тут же осадил их и велел не поднимать тему безвременной кончины его друга. Готье, чуткий к настроениям собеседников, сразу всё понял и ни словом, ни делом не напомнил старшему брату о причине его находке-

ния в родных стенах. Бастьен же, в силу возраста, первые дни не умолкая расспрашивал Жана о Себастьяне. Потом, видимо, кто-то с ним серьёзно поговорил, и расспросы прекратились. Остались только задумчивые взгляды, но их адъютант мог стерпеть.

Отец, граф Матис де Риш, нёс службу в Карногате. Он прислал письмо с аккуратными поздравлениями и озабоченностью. Его волновало, не впал ли сын в немилость. Жан в своём ответе заверил отца, что их дом всё так же пользуется безраздельным доверием короны и никакие слухи не отразятся ни на положении графа, ни на его собственном.

Самым тяжелым испытанием оказалось отношение матушки. Анжелика тяжело восприняла шаткое положение сына, да и саму дуэль. Она была дружна с графиней Неель и тепло относилась к её отпрыску, знала, что Жан с Себастьяном не просто сослуживцы, но и побратимы. Она не задавала вопросов, но её чувства к сыну поменялись. Она молчала во время завтраков и обедов, избегала любых встреч с Жаном, а когда он попытался объясниться, и вовсе прервала на полуслове и прочитала длинную отповедь о том, что такое предательство и что скоро к ним обязательно прилетит сокол от Императрицы с просьбой явиться ко двору для сложения полномочий адъютанта.

Сейчас, мучимый бессонницей, юноша вдруг задался вопросом: почему же братья и отец не вели себя подобным образом? Они же знали Себастьяна, знали, что он был ближайшим другом Жану, так почему же не осудили, не скорбели? Матушка в день приезда вышла к сыну в траурном платье. Они — только радовались. Бастьен ещё малыш, ему о таком думать не положено, но Готье? Отец? Отчего в его письме не было и строчки соболезнований? Проживая в голове события последнего месяца, Жан понял: они пришли к тому же выводу, что и Димитрий. Себастьян, горячая голова, совершил непростительный проступок и поплатился за него.

Адъютант в который раз подошел к окну. Площадь, как и прежде, была пуста. Он постоял на месте несколько мгновений, буравя взглядом фонтан, затем лёг на кровать и тут же засн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.